

ПИТЕР МЕЙЛ

Впервые
на русском!

Алмазная авантюра

Питер Мейл, как всегда, демонстрирует
совершенное владение сюжетом и характерами...
Веселая, свежая и очень вкусная «Авантюра».
Приятного аппетита!

The Examiner

Азбука-бестселлер

Питер Мейл

Алмазная авантюра

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мейл П.

Алмазная авантюра / П. Мейл — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Азбука-бестселлер)

В беспечной жизни Сэма Левитта всегда найдется место приключениям – как, впрочем, и бокалу rosé в компании старых друзей на террасе под бархатным южным небом. И пока Элена Моралес, подруга Сэма, оставив скучную карьеру страхового агента в Лос-Анджелесе, обустраивает семейное гнездышко – чудесный дом под Марселем на берегу Средиземного моря, Сэм с головой уходит в расследование весьма запутанных обстоятельств, стоявших за серией нераскрытых краж бриллиантов на Лазурном Берегу стоимостью в несколько миллионов евро. Круг подозреваемых сужается, и роль сыщика перестает быть забавой... Блеск бриллиантов, волшебная игра шампанского и волнующие ароматы блюд французской кухни – все это в новой книге Питера Мейла, легкой, веселой и остроумной. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Мейл П., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

1	6
2	9
3	14
4	18
5	22
6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Питер Мейл

Алмазная авантюра

Peter Mayle
THE DIAMOND CAPER

© Е. Королева, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

* * *

Памяти доброй старой Фанни посвящается

1

Ну почему дурные новости чаще всего приходят в понедельник утром?

Звонок раздался в шесть часов по местному времени, вырвав Элену Моралес из глубокого, сладкого сна. Звонил ее босс, Фрэнк Нокс, основатель и генеральный директор «Нокс иншуренс», и в его голосе угадывалось скрытое напряжение. Возникла проблема, сказал он, и решать ее нужно срочно. Несмотря на утренние лос-анджелесские пробки, Элена была в кабинете у Нокса уже в половине восьмого.

В кои-то веки обычная жизнерадостность покинула шефа.

– Наверное, ты уже что-то читала об этом, – начал он, открывая папку с газетными вырезками, лежавшую у него на столе. – Кражи драгоценностей на юге Франции, которые с каждым годом происходят все чаще. Вот теперь коснулось и нас. Два часа назад мне позвонили из нашего парижского офиса: у одной их клиентки, мадам Кастеллачи, только что вынесли из дома в Ницце кучу бриллиантов. Мадам в истерике, а парижский офис прислал страховое требование на сумму, сравнимую с государственным долгом.

Он умолк, чтобы глотнуть кофе.

– И каковы наши обязательства?

Брови Нокса взлетели, и он покачал головой:

– Мы просчитали все возможные риски, но все равно это больно по нам ударит. – Нокс тяжело вздохнул. – Перед нами маячит семизначное число. Миллиона два, может, и три.

– И мы считаем, что убыток обоснованный? Что говорит полиция?

Нокс пожал плечами:

– Почти ничего. Из того, что мне сообщили, выходит, работали профессионалы: ни каких улик, никаких отпечатков, вообще ничего.

– А что говорят наши представители в Париже?

– «Помогите!»

Нокс сгорбился в своем кресле. Элена ни когда еще не видела его таким подавленным. Через несколько месяцев он должен был выйти на пенсию и наслаждаться радостями обеспеченной старости после тридцати пяти лет тяжелых трудов. И на тебе! Даже с теми деньгами, какие он скопил за годы, это серьезный удар.

– Фрэнк, что мне для тебя сделать?

– Я хочу, чтобы ты поехала в парижский офис и выяснила, что им известно, – проговорил Нокс и тяжело вздохнул. – Потом тебе нужно будет отправиться в Ниццу и прощупать клиентку. – Он вскинул руку. – Знаю-знаю. Полиция обязательно сделает это, но иногда они пропускают важные мелочи. Это выстрел наугад, но больше нам ничего не остается. – Он подтолкнул к ней по столу папку с вырезками. – Вот, возьми, считаешь в самолете. Желаю удачи.

Элена собиралась в командировку со смешанными чувствами. В обычной ситуации она пришла бы в восторг от грядущей поездки во Францию. Однако на этот раз ее вряд ли ждет там море удовольствия. Коллеги из парижского офиса будут встревожены и рассеянны, а если мадам Кастеллачи из Ниццы похожа на других клиентов Нокса, значит она окажется раздражительной и подозрительной. Уже не раз Элене приходилось сталкиваться с тем, какая ирония заключена в страховании. В теории – это обоюдовыгодное соглашение. На практике – отношения, зачастую полные взаимного не доверия. Мошенничество, предоставление неверных сведений, откровенная нечестность – все это было ей знакомо.

Элена попыталась закрыть чемодан. Как и всегда, он был набит до отказа, как и всегда, ей пришлось сесть на него, чтобы защелкнуть замки. Она взглянула на часы – до прибытия

такси, которое отвезет ее в аэропорт, оставалось еще десять минут. Элена решила позвонить Сэму, ее бойфренду, с которым они были вместе в течение последних семи лет. В данный момент он «консультировал» на Ямайке своего старинного друга Натана, бизнесу которого – контрабанда кубинских сигар с Ямайки в США – угрожал один местный рэкетиер.

– Сэм? Можешь сейчас говорить?

– С тобой, любовь моя, всегда.

У него даже в голосе чувствуется загар, подумала Элена.

– Послушай, у меня на работе возникли кое-какие проблемы. Сегодня днем я вылетаю в Париж, а оттуда – в Ниццу. Один клиент заявил о краже бриллиантов, и Фрэнк хочет, чтобы я оценила ущерб.

– Хочешь, чтобы я приехал? Я здесь почти закончил. Еще денек-другой повыкручивать руки и повылизывать задницы – и готово. Может, встретимся в Марселе? Я позвоню Франсису и скажу, чтобы он нас ждал.

Их добрый друг Франсис Ребуль, гостеприимный хозяин, всегда, все годы знакомства, был рад их видеть.

– Было бы здорово. Господи, как же мне осточертел страховой бизнес!

Сэм немного помолчал, прежде чем ответить:

– Так бросай его. Отправишь на работу меня, а сама будешь лениться в свое удовольствие.

Элена не успела обдумать это соблазнительное предложение, потому что приехало такси.

– Мне пора. Позвоню тебе из Парижа.

Сидя в машине, она еще раз мысленно прокрутила их короткий разговор. Элена не всегда могла с уверенностью определить, насколько серьезно говорил Сэм. Он хотел, что бы она поехала вместе с ним на Ямайку, но у нее не получилось из-за работы – большое разочарование для них обоих. Уже скоро, пообещала она себе, ты заживешь настоящей жизнью. Новой жизнью. Согласно «Эйр Франс», до прибытия в Париж у нее будет десять часов и сорок пять минут, чтобы подумать об этом.

В качестве маленького утешения Элена летела бизнес-классом. Комфортная обстановка и бокал охлажденного шабли достаточно укрепили ее дух, чтобы приступить к небольшому домашнему заданию, и она открыла папку с газетными вырезками, которую дал ей Фрэнк Нокс.

Кражи бриллиантов шли в хронологическом порядке начиная с 2002 года, когда один ювелир из Канн был ограблен на относительно скромную сумму – три миллиона евро. В 2005 году ювелир из Сен-Тропе лишился товара на два миллиона евро. В 2009 году бутик «Картье» в Каннах ограбили на пятнадцать миллионов. В 2010 году у оптового торговца ювелирными изделиями близ Марселя забрали товар на семь миллионов. В 2013 году из сейфа одной каннской гостиницы пропали драгоценности на миллион, на одном из приемов во время Каннского кинофестиваля было украдено ожерелье стоимостью два миллиона евро и в довершение ко всему бриллианты на сто три миллиона исчезли с выставки «Уникальные алмазы», которая тоже проходила в Каннах. Элена с недоверием покачала головой, откладывая в сторону папку. Платить такие деньги за то, что в одной из статей именовалось «аллотропной модификацией углерода».

К большому облегчению Сэма, ювелирные аппетиты Элены ограничивались мексиканским серебром и червонным золотом. Она насмотрелась на такое количество бриллиантовых ожерелий на жирных шеях престарелых светских львиц, что благополучно исцелилась от тяги к бриллиантам. Как Элена однажды сказала Сэму, она предпочла бы вложить деньги во что-нибудь более практичное, например в городской особняк в Париже и в «бентли». Или в дом под Марселем, который они видели в свой последний приезд. Его показал им один из

друзей Франсиса Ребуля – небольшой, построенный в начале 1920-х годов, на гребне горы. Они немедленно в него влюбились. Хватило бы уже одного панорамного вида на Средиземное море, но у этого дома имелись и другие достоинства. От него можно было быстро дойти по живописнейшей дороге до дворца Фаро, где жил Ребуль, и еще быстрее – до чудесного отеля «Le Petit Nice», ресторан которого, самый выдающийся в Марселе, был удостоен трех звезд Мишлен.

За дом запросили такую сумму, что, по выражению Сэма, и миллиардер бы прослезился. Но им ужасно хотелось стать его хозяевами. Сэм разорил свой, как он говорил, «фонд для подкупа должностных лиц», Элена продала свои облигации, и начались заочные переговоры между Лос-Анджелесом и юристом владельца в Марселе. И тянулись. Тянулись. Тянулись. Проблема заключалась в том, что хозяйка дома, семидесятипятилетняя вдова из Парижа, сочла необходимым испросить разрешения на продажу у всех членов обширного семейства. Нужно посоветоваться с детьми. Нужно принять во внимание мнение внуков. Даже кузенов, которые по французским законам могут претендовать на небольшую часть вырученных средств, нельзя сбрасывать со счетов. Предложения и контрпредложения сыпались одно за другим от всех членов семьи, пока Элена с Сэмом едва не опустили руки.

Луч надежды внезапно забрезжил неделю назад, явившись в виде письма от марсельского юриста. Сделку можно заключить, как только будет получено письменное подтверждение от семьи (он как раз сейчас его ожидает), что продажа дома не повлечет никаких юридических осложнений. Сэм поделился этой новостью с Ребулем, и тот согласился связаться с юристом, чтобы сдвинуть наконец дело с мертвой точки. На этом они пока и остановились.

С размышлений о доме Элена переключилась на мысли о будущем. От жилья в Марселе, каким бы идиллическим оно ни казалось, мало проку тому, кто торчит в лос-анджелесской конторе. Элена часто спрашивала себя, сколько еще будет мириться со своей работой, пусть даже за нее очень хорошо платят. За последние два года она несколько раз готова была уйти, и ушла бы, если бы не привязанность к Фрэнку Ноксу. Но теперь, решила она, уход Фрэнка на пенсию явно сигнал к действию для нее. Она закрыла глаза и откинулась в кресле, в голове кружились мысли о жизни на берегу Средиземного моря.

2

Ариан Дюплесси, глава парижского отделения компании Нокса, ждала в приемной, чтобы приветствовать Элену двумя формальными воздушными поцелуями и угрюмым выражением лица.

– С вашей стороны было очень любезно приехать так быстро. Пойдемте, остальные в зале для конференций.

Элена пошла по коридору за мадам Дюплесси, изучая на ходу стройную фигуру начальницы: густые седые волосы, подстриженные по моде, на плечах длинный шарф из кремового шелка, темно-серый шерстяной костюм, высокие каблуки. Дела могут идти кувырком, подумала Элена, но это же Франция: при любых обстоятельствах шик превыше всего. Она вздохнула. Собрание, скорее всего, будет долгим и наверняка невеселым.

За столом для совещаний сидело трое мужчин с суровыми лицами, и перед каждым наготове лежали аккуратные стопки документов.

– Ладно, – сказала Элена, – выкладывайте самое худшее.

Выяснилось, что семья Кастеллачи всегда вовремя платила страховые взносы, и это исключало всякую надежду признать их требования неправомерными. Кастеллачи клятвенно заверяли, что предприняли все меры безопасности, прежде чем уйти из дома в вечер ограбления: система сигнализации включена, парадная дверь на двойном замке, ставни на окнах на запоре. На стенном сейфе никаких следов взлома, картина маслом, за которой скрывался сейф, висела на месте.

– Если все это правда, – произнесла Элена, – они имеют полное право на выплату. А что сказано в полицейском отчете?

Мадам Дюплесси пожала плечами:

– Ничего. Ни отпечатков пальцев, ни улики. *Nélas*¹, и своего адреса вор тоже не оставил.

Остаток дня они потратили на тщательное изучение условий договора страхования, проверяя строку за строкой, в надежде отыскать лазейку в каком-нибудь пункте, который можно было бы оспорить в суде. Но в итоге Элена была вынуждена признать, что они зашли в тупик.

Мадам Дюплесси проводила ее обратно к лифту:

– Скверно, да?

Элена покачала головой:

– Судя по всему, нам придется заплатить, если только я не отыщу что-нибудь в Ницце, когда встречу с этими Кастеллачи.

По дороге в отель Элена сообразила, что в Париже сейчас почти шесть вечера, значит на Ямайке около полуночи. Она позвонит Сэму, а потом что-нибудь выпьет. Или даже так: после такого кошмарного дня она сначала выпьет, а потом позвонит Сэму.

Каждый раз, когда она останавливалась в отеле «Моналамбер» («Montalembert»), ее отпускало напряжение, едва она оказывалась в холле. Люди вокруг были очаровательны, бар так и манил, и незамедлительное появление бокала шампанского сразу подняло ей настроение. Она устроилась поудобнее и позвонила на Ямайку.

– Сэм, я нуждаюсь в утешении.

– Неужели все настолько плохо?

– На поминках и то веселее. Клиенты называют каждый день, ругаются, требуя чек, у полиции все по нулям: ни отпечатков, ни следов взлома, ни улики. В общем, кажется, я напрасно прилетела.

¹ Увы (фр.).

– А ты с ними знакома, с клиентами?

– Нет. Почему ты спросил?

– Ну, если следов взлома нет, если все так чисто и безупречно, как говорят, то напрашивается предположение, что работали изнутри. Такое случалось неоднократно. Поэтому, как мне кажется, первым делом необходимо встретиться с клиентами, чтобы понять, что это за люди.

– Я понимаю. И это моя ближайшая задача.

– Кстати, я говорил с Франсисом, он ждет тебя в Марселе. Просто позвони ему и скажи, когда приедешь. Я задержусь здесь еще на пару дней. А ты сейчас где?

– В баре «Моналамбера».

– Хорошая девочка. Только не разговаривай там с незнакомцами. И постарайся не переживать. Я скучаю по тебе.

На следующее утро, как следует выспавшись и избавившись от синдрома смены часовых поясов, Элена побаловала себя завтраком в постели – круассаны и *café crème*² – и села в самолет до Марселя. После тускло-серых парижских туч небо Прованса ослепляло голубизной. Она вышла в зал прибытия, на ходу выуживая из сумочки солнцезащитные очки, и тут услышала, как ее окликают по имени.

Это был Франсис Ребуль, загорелый и щеголеватый в своем светлом льняном костюме, рядом стоял его шофер Оливье. После горячих объятий Элена с Ребулем остались греться на солнышке, пока Оливье подгонял машину.

– Дорогая, у меня чудесные новости. – Ребуль вынул из кармана конверт и протянул Элене. – Это от моего нового лучшего друга, *notaire*³, который занимается вашим домом. Все уладилось, так что продажа состоится. Мои поздравления.

– Франсис, это просто великолепно! Я и не знала, что вы с *notaire* друзья. Как это случилось?

– Я пригласил его во дворец Фаро и угостил недетским бокалом пастиса, *et voilà*. По том предложил объяснить его парижскому клиенту, что вы теряете терпение и склоняетесь к покупке другой недвижимости. И это, вместе с еще одним стаканчиком пастиса, довершило дело.

– Ты великолепен, и я потрясена. – Элена чмокнула его в щеку. – Не могу дождаться, чтобы рассказать Сэму.

В машине по дороге в Фаро Ребуль на несколько минут умолк и задумался, как будто пытаясь принять какое-то важное решение. А потом заговорил едва ли не шепотом.

– Меня тут пригласили на вечеринку, – сказал он. – Мой старинный друг Томми ван Бюрен, с которым мы сдружились еще в Гарварде, когда были студентами. Года два назад он купил дом рядом с Каннами, и вечеринка будет по случаю окончания ремонта. Поэтому мне необходима моральная поддержка. – Он поглядел на Элену, подняв брови и наморщив лоб.

– Ну конечно, – сказала Элена. – Я мастер по части моральной поддержки. Можешь спросить у Сэма.

Ребуль заулыбался, похлопав ее по руке.

– Проблема в том, что архитектор, а заодно и дизайнер, несомненно будет на празднике. Это дама по имени Коко Дюма. Несколько лет назад у нас с ней был роман, который, к сожалению, закончился плохо. Если честно, я бы с удовольствием отказался от приглашения. – Он умолк и пожал плечами. – Но не хочется расстраивать старого друга. И поэтому я

² Кофе со сливками (*фр.*).

³ Нотариус (*фр.*).

прошу тебя пойти со мной, чтобы обеспечить мне – как бы это лучше сказать? – социальное прикрытие.

Настала очередь Элены похлопать его по руке.

– Не волнуйся. Я еще и мастер по части социального прикрытия. Когда идем?

– Завтра.

За ужином Ребуль снова завел разговор о том, как ему не хочется присутствовать на вечеринке. Кое-что о его жизни Элена знала, кое о чем догадывалась. Когда-то Ребуль был женат на женщине по имени Мирей, которую он обожал. Она умерла молодой, от рака, и Ребуль – богатый и внезапно ставший холостым, – не желая того, сделался завидным женихом. За годы у него было несколько связей, и в большинстве случаев расставание проходило по-дружески, пока Ребуль не познакомился на коктейльной вечеринке с Коко. Она была миловидная и веселая, он одинокий, и одно повлекло за собой другое. Однако, к разочарованию Коко, дело не шло к утверждению ее на позиции второй мадам Ребуль. Как бы часто она на это ни намекала, Ребуль предпочитал оставаться холостяком. Разочарование Коко сменилось гневом, и после очередной бурной ссоры роман прекратился.

– В общем, ты понимаешь, что я не горю желанием идти на завтрашнее мероприятие, – попытожил Ребуль. Он улыбнулся и пожал плечами. – Хотя Томми утверждает, что она сделала из его дома нечто потрясающее. – Он посмотрел на часы. – А теперь, моя дорогая, полагаю, тебе было бы полезно лечь пораньше. После перелета из Лос-Анджелеса требуется время, чтобы перестроиться.

Вечернее солнце начало скатываться в воды Средиземного моря, когда Элена с Ребулем свернули с *autoroute*⁴ в сторону холмов, пробираясь через путаницу пригородных шоссе вокруг Канн. Элена смотрела на заправочные станции, магазины с невообразимыми витринами и рекламные плакаты, восхвалявшие оранжину⁵ и местный гастронм.

– Такое впечатление, что мы уехали ужасно далеко от Каннского кинофестиваля, – заметила она.

Ребуль улыбнулся и кивнул:

– Все меняется к лучшему.

Они свернули с главной дороги, проехали под каменным мостом и оказались на узком шоссе, которое забиралось все выше и выше в холмы и в конце концов привело их к небольшой сторожке у шлагбаума. К машине вышел охранник в форме, поставил галочки напротив их фамилий в списке приглашенных, отсалютовал и махнул, чтобы они проезжали.

– На территории дюжина домов, – сказал Ребуль. – Вокруг каждого около десяти акров земли, и из каждого открываются фантастические виды. Вот посмотришь.

На самом деле ван Бюрен покупал именно виды. Изогнутая панорама побережья от Канн на востоке и до Сен-Тропе на западе. Сам дом не производил особого впечатления: приземистое здание казарменного типа из розового бетона, лишенное какого-либо шарма и архитектурного интереса. Но так было до того, как Коко Дюма приложила к нему руки.

Преображение было ошеломляющим. Бы ли пристроены два крыла, линия крыши опущена. Оконные проемы расширены, а сама постройка вместо розового обрела цвет выгоревшего известняка, отчего казалось, что солнце прожаривало дом лет двести. Изначальное скопление тесных, темных клетушек сменилось просторными комнатами, наполненными светом. На все это ушло по чти два года и несколько миллионов евро, однако ван Бюрен был в восторге, и эта работа стала очередным успехом Коко Дюма, еще одним элегантным перышком на ее шляпке.

⁴ Автострада (*фр.*).

⁵ Газированный цитрусовый напиток, популярный в Европе.

Прежде чем они достигли конца дорожки из светлого гравия, стало очевидно, что перед ними незаурядный дом. Он поблескивал в темноте, двор освещался факелами, а между группками гостей двигались люди в белых куртках, следившие, чтобы никто из приглашенных не остался без напитков.

Элена с Ребулем остановились у входа во двор, чтобы полюбоваться последними отблесками солнца на поверхности Средиземного моря и сверкающими огнями бульвара Круазетт, протянувшегося вдоль каннского берега на два километра. Волшебное зрелище.

– А ты думал, что лучший вид во Франции у тебя. Ну признайся, что и этот неплох.

К ним подошел хозяин дома Томми ван Бюрен, улыбчивый здоровяк, густой загар на лице которого еще больше подчеркивали волосы, почти такие же белые, как его смокинг.

Он обнял Ребуля и поцеловал руку Элене, прежде чем ввести их во двор, где гостей встретил официант с двумя бокалами шампанского. Но не успели они завести разговор, как прибыла очередная пара приглашенных и ван Бюрен, извинившись, отошел.

Элена принялась незаметно рассматривать других женщин. Все они весьма привлекательны, решила она, изящны, одеты со вкусом. Элена уже хотела предложить Ребулю влиться в одну из групп, когда вдруг поняла, что за ней наблюдают.

– У меня такое чувство, будто нас кто-то изучает, – сказала она. – Вон там, у фонтана... женщина в черном шелковом костюме.

Ребуль окинул двор взглядом.

– А-а-а, – протянул он. – Так это же она. Коко. – Он вздохнул и ссутулил плечи. – Ты не против, если мы сразу с этим покончим?

Когда они двинулись через двор, Коко отделилась от своих собеседников и широко (и, как показалось Элене, откровенно фальшиво) улыбнулась им. Ей было лет сорок пять: стройное тело, над которым многие часы трудились в спортзале, блестящие черные волосы, легкий загар. Ее лицо запоминалось прежде всего благодаря глазам. Они были бирюзового цвета. И в целом, признала Элена, впечатление она производила потрясающее.

– Неужели! Франсис, как мило. – Коко наклонила голову, принимая обязательный поцелуй в щечку. – Томми мне говорил, что ты, вероятно, приедешь. А теперь ты должен познать меня со своей спутницей. – Она развернулась к Элене, улыбаясь и протягивая руку с алыми ногтями, а сама тем временем быстро подвергла изучению ее наряд. – Какой необычный цвет, – заметила она. – С вашей стороны это очень смело. Расскажите мне, как вы познакомились?

– Это было в Лос-Анджелесе, – сказала Элена. – Франсис занимался там делами с одним моим другом.

Она жестом собственницы стиснула руку Ребуля и увидела, как гаснет улыбка на лице Коко. Один – ноль в мою пользу, решила Элена.

От дальнейшего противостояния их спас ван Бюрен, который вышел на середину двора, взял ложку с подноса проходившего мимо официанта и постучал по краю своего бокала, требуя тишины.

– Прошу внимания. Прежде всего я хочу поблагодарить вас за то, что сегодня вечером вы здесь. – Он поднял бокал, приветствуя своих гостей. – Надеюсь, в этом доме скоро увидят вас снова, и мне кажется, вы не прочь сюда вернуться. Мне удалось уговорить Коко, сотворившую все это великолепие, устроить вам экскурсию. – Он снова поднял бокал. – За вас, мадам архитектор.

Вместе с Коко, которая бросала беглые комментарии и на французском, и на английском, гости прошли по дому, издавая одобрительные возгласы, отмечая многочисленные архитектурные триумфы и декораторские удачи, на которые им указывала со смесью гордости и скромности Коко.

Элена с Ребулем держались позади остальных и не торопясь оценивали проделанную работу. Элена, поскольку и сама должна была вот-вот обзавестись домом, была просто заворожена: она фотографировала на телефон все – от старинных каменных каминов до столешниц из гладкого гранита на кухне, от настенных светильников и ставней до пола из полированного бетона.

– Франсис, тебе не кажется, что она про делала грандиозную работу? Планировка прекрасная, а цвета, которые она выбрала, на редкость уместные. – Щелк-щелк-щелк, вторил ей телефон, производя новые фотографии.

Ребуль кивнул:

– У нее верный глаз, а Томми идеальный заказчик. У него безупречный вкус, и он с радостью позволил ей делать все, что она пожелает. И он явно в восторге от результата. Видишь его вон там? На седьмом небе от счастья. Пойдем поздравим его.

Они провели в обществе ван Бюрена десять приятных минут, когда Ребуль заметил, что к ним приближается Коко. Он взглянул на часы и вдруг напомнил Элене, что они собирались встретиться в Каннах с друзьями, чтобы вместе поужинать.

Когда они уже сидели в машине, Элена нахмурилась:

– Ты ничего не сказал мне об этом ужине.

– Потому что нет никакого ужина. Ты должна меня простить, я бы не выдержал целого вечера в обществе Коко. Мне до сих пор неловко в ее присутствии. Надеюсь, ты поймешь.

Элена засмеялась:

– Разумеется. Она та еще штучка. И знаешь что? Я бы не удивилась, узнав, что между ней и Томми что-то есть. Женщины такие вещи чувствуют.

Ребуль минуту молчал. Томми, как и он сам, был богатым холостяком.

– Боюсь, на этот раз ты ошибаешься, – сказал он с улыбкой. – Я знаю Томми почти сорок лет и точно могу сказать, что женщины его не интересуют.

3

На следующий день после вечеринки Коко Дюма назначила клиентам встречу в своих апартаментах в Ницце в отеле «Негреско» («Le Negresco»), который стоял на Английской набережной с 1912 года. Отель был построен Анри Негреско, дельцом румынского происхождения, который не поскупился на расходы. Среди прочих весьма многочисленных достопримечательностей отеля имелась и великолепная люстра Баккара из 16 309 хрустальных подвесок, которая была заказана российским императором Николаем II. Увы, небольшая помеха в виде Октябрьской революции помешала доставить заказ.

Встречу с клиентами Коко устроила на террасе. Рядом с ней сидел Грегуар, ее бизнес-менеджер, напротив – Джеймс и Сьюзи Осборн, пара молодых англичан, которые продали свой интернет-бизнес за какие-то сумасшедшие деньги – дохреналлион, как выразилась Сьюзи, – и теперь наслаждались жизнью, тратя их. В данный момент они хотели реконструировать чудесный старый дом, купленный ими на мысе Антиб. Друг из Монако свел их с Коко, и они приехали сюда, чтобы увидеть то, что сама она предпочитала именовать новой бизнес-презентацией.

Грегуар, темноволосый, безукоризненно одетый молодой человек с телосложением иг рока в регби и со сломанным носом, сняв солнцезащитные очки, открыл собрание, что бы поведать поучительную историю. Хотя и прискорбно, начал он, но в наши дни многие архитекторы, недовольные комиссиями, положенными им по закону, пытаются стрясти комиссионные еще и со своих подрядчиков. Плотники, сантехники, каменщики, электрики – все в одинаковом положении: они вынуждены платить, если не хотят лишиться заказов. Как следствие, их расценки для клиентов повышаются, чтобы можно было компенсировать суммы, потраченные на взятки. Грегуар печально покачал головой и умолк, дожидаясь, когда до слушателей дойдет смысл его шокирующего откровения.

Какая радость, продолжал он, что счастливый случай привел их в «Кабинет Дюма», оазис безупречной финансовой честности, пре красно известный на всем побережье тем, что здесь никогда не вымогают у подрядчиков «поощрений». И получить доказательства можно, обратившись к любому из клиентов Коко. Осборны одобрительно покивали, и Грегуар продолжал распинаться о способах ведения бизнеса «Кабинетом Дюма», пока не настало время Коко приступить к творческой части презентации.

Она разложила на столе полдюжины альбомов в кожаных переплетах – по одному на каждый дом, над которым она работала в последние годы. В альбомах были фотографии «до» и «после» преображенных ею домов от Марселя до Монако. Довольно быстро стало понятно, что Осборнам нравится то, что они видят. Особенно Сьюзи не скупилась на похвалы, почти на каждой странице обнаруживая что-нибудь, по ее выражению, сказочное или восхитительное. На клиентов также произвело впечатление, что Коко проявляет особенное внимание к деталям, какими бы незначительными они ни казались: биде, установленное так, чтобы открывался вид на море; посудомоечная машина, расположенная на уровне лица, чтобы не наклоняться; пол в душевой, выложенный из нескольких мрамора, – все это мелкие, однако важные штрихи, которыми столь часто пренебрегают. Compliments текли бурным потоком, Коко была воплощенным очарованием, и Грегуар отправил всех троих на ланч, уверенный, что «Кабинет Дюма» вот-вот пополнит список своих клиентов.

Самолет компании «Бритиш эйрвейз» вылетел в лондонский Гатвик из аэропорта Нормана Мэнли на Ямайке ровно в пять пятьдесят вечера. Оказавшись на борту, Сэм, чуть живой после суматошной недели в конторе, рухнул в кресло, испустив вздох облегчения. Эти дни грозили обернуться большими трудностями, однако все уладилось, когда Сэм совер-

шенно неожиданно заключил соглашение с Клайдом Брейтвейтом, который держал в узде несколько самых крупных рэкетиоров Кингстона. Когда тот выяснил, что Сэм живет в Голливуде в «Шато Мармон» (Сэм позабыл уточнить, что это гостиница), это произвело на Брейтвейта сильнейшее впечатление – большая честь познакомиться с одним из самых видных жителей Лос-Анджелеса. Ром потек ручьем, и было поглощено несметное количество курицы по-ямайски, после чего мужчины пришли к обоюдовыгодному соглашению, принятому и Брейтвейтом, и другом Сэма Натаном, контрабандистом сигар. Наградой Сэму стала безграничная благодарность, чек на кругленькую сумму и регулярные поставки «Боливар Беликосос Финос», лучших из всех гаван.

На Ямайке был не сезон, и в бизнес-классе оказалось приятно безлюдно. Для Сэма длительные перелеты всегда означали возможность предаться своим мыслям, поэтому он с легкостью устоял перед сомнительными искушениями авиаеды и авиафильмов. Сэм откинул спинку кресла и вспомнил свой последний разговор с Эленой. Она явно была до крайности расстроена после совещания в Париже. Ее французские коллеги выполнили свою работу и с клиентом, и с полицией. Только вот вор ничего им не оставил – и они оказались с пустым сейфом, без улик, без достойной версии. Эта история вызывала у Сэма живейший интерес, и он решил предложить себя в качестве неофициального технического консультанта Элены. Возможность оказать помощь по эту сторону «закона и порядка» будет приятной переменой после дел с сигарной контрабандой, а перемены как раз и делали профессиональную жизнь Сэма интересной.

Прошло уже много лет с тех пор, как скука и все нарастающее негодование из-за необходимости рано вставать заставили его отказаться от высокооплачиваемой работы на Уолл-стрит, и с тех пор он сделал несколько весьма неординарных карьерных ходов. Некоторые из них, как он с готовностью признавал, были не вполне чисты с точки зрения закона. Однако Сэм легко мирился с криминальной деятельностью, если только та требовала интеллекта, а не насилия. И уже скоро он хитроумно переигрывал мошенников, превратив это занятие в прибыльное хобби.

Когда карибская синева в иллюминаторе сменилась серой пеленой Атлантики, Сэму вспомнился его прошлый приезд в Марсель – под конец той поездки он валялся в корсиканских зарослях лицом вниз, изображая покойника. Он улыбнулся этому воспоминанию. Нынешний приезд, он был уверен, не будет так насыщен событиями. Из того, что ему рассказала Элена, получалось, что ограбление совершил профессионал, так что похищенные бриллианты уже в Антверпене, где их заново огранят и придадут им новый облик. А оригиналы, по сути, перестанут существовать.

Сэм потер глаза и зевнул. Он до сих пор ощущал последствия выпитого в избытке ямайского рома и поэтому мигом уснул.

Элена в компании жизнерадостного шофера Ребуля, Оливье, ехала в Ниццу на встречу с мадам Кастеллачи, лишившейся своих бриллиантов. За годы работы в страховом бизнесе Элена почти до дна исчерпала запас природного оптимизма, поэтому она не сильно надеялась обнаружить что-нибудь, чего не смогла найти полиция, однако, как сказал Фрэнк Нокс, необходимо, чтобы все пункты были отмечены галочкой. Только даром тратить такой чудесный день.

Зато Оливье точно не потратит этот день даром. Элена сказала, что после обеда он может быть свободен, и он уже договорился кое с кем о встрече. У него по всему побережью было рассеяно бесконечное число тетушек, с которыми, по его словам, ему было приятно общаться. Те две тетушки, которых Элена видела до этого, оказались хорошенькими молодыми женщинами, и она не сомневалась, что сегодняшняя родственница будет не хуже. Как Оливье умудрялся пудрить мозги им всем, было одной из малых загадок жизни.

Когда они наконец преодолели все пробки Ниццы, оставалось слишком мало времени на что-либо более амбициозное, чем быстрый перекус в кафе. Элена отправила Оливье дальше по маршруту, а сама устроилась за столиком на солнце, взяв бокал rosé⁶ и salade niçoise⁷, и мысленно повторила, что ей известно о семействе Кастеллачи. Мадам и ее муж Этторе, миланский магнат, производивший лингуине⁸, владели, как они утверждали, «простым домиком для отдыха» – это было здание в стиле ар-деко на Английской набережной с видом на море. Эле на видела сейчас этот дом из своего кафе. По сведениям парижского офиса, мадам Кастеллачи являлась довольно приятной особой, а вот ее муж был нудным коротышкой, обидчивым и себялюбивым. Элена очень надеялась, что сегодня днем он будет поглощен какими-нибудь жизненно важными макаронными делами, и постаралась взбодриться перед встречей. Но не смогла. Она была вынуждена признать, что страховой бизнес перестал ее интересовать. И эта поездка казалась бесполезной тратой времени. Ну что она может найти, чего не выявил тщательный полицейский осмотр? Что она вообще ищет?

Во время короткой прогулки от кафе до дома Кастеллачи навстречу Элене попадались исключительно отдыхающие, прекрасно проводившие время. На них были темные очки, шорты и летние платья, и Элена чувствовала себя здесь совершенно неуместной в черном деловом костюме. Дойдя до дома Кастеллачи, она взяла себя в руки и изобразила на лице улыбку, прежде чем нажать на звонок. Сквозь смотровую щель на двери ее внимательно изучили, после чего дверь отворилась, и за ней оказалась горничная в униформе. Она проводила Элену в гостиную, а сама отправилась к мадам Кастеллачи.

Это была пухлая, неплохо сохранившаяся дама, облаченная в небесно-голубой шифон и, как тут же заметила Элена, с бриллиантовым колье искусной работы на шее, о чем мадам Кастеллачи тут же и сообщила.

– Да-да, – кивнула мадам Кастеллачи, – это все, что осталось, единственная драгоценность, которую не унесли воры, потому что в тот вечер колье было на мне. И теперь я его не снимаю, только на ночь, и тогда кладу под подушку.

Она жестом предложила Элене проследовать за ней в салон. Оттуда они отправились на короткую экскурсию по дому, в ходе которой мадам показала прочные ставни на окнах и систему сигнализации, а под конец сняла со стены в спальне дедушки своего мужа написанную маслом картину, за которой скрывался встроенный сейф.

– Вот, – сказала она, – здесь все и лежало. Сейф американский, высшего качества, миллион комбинаций. – Мадам Кастеллачи набрала серию цифр и открыла дверцу. – Видите? Никаких признаков, что кто-то пытался повредить замок. – Она развернулась к Элене, утирая глаза носовым платочком, – воплощенное горе. – Мы считали, что у нас все в полной безопасности.

Элена все еще подыскивала подходящие слова, когда из кабинета наверху появился синьор Кастеллачи, ошетилившийся от негодования.

– Наконец-то вы приехали, – сказал он. – Надеюсь, вы захватили чековую книжку. Я только что разговаривал со своим адвокатом в Милане. Ведь все уже проверено. Вносы – целое состояние! – мы делали вовремя. Полиция провела расследование. И где же мой чек? Мой адвокат хочет знать, в чем проблема? И я тоже. Ну? – Он стоял перед Эленой на цыпочках, но все равно был на несколько дюймов ниже ее, от гнева его тело натянулось как струна. – Ну?

Все хорошие страховые инспекторы ловко находят причины, чтобы не платить или, по крайней мере, оттягивать этот болезненный момент как можно дольше. Обычно клиенты

⁶ Розовое вино (фр.).

⁷ Салат «Ницца», с анчоусами (фр.).

⁸ Разновидность итальянских макаронных изделий.

Элены проглатывали отказ легче других благодаря ее природному обаянию и искреннему сочувствию их потере. Но только не в этот раз. Как она ни старалась убедить Кастеллачи в необходимости проверить и перепроверить все возможные версии, тот продолжал клокотать от гнева, следуя за ней по всему дому и таякая за спиной, словно разъяренный пекинес. Упоминалось судебное преследование, и не раз. Мадам Кастеллачи плакала. И Элена была не прочь к ней присоединиться. Наконец после двух бесплодных часов даже у Кастеллачи иссякли ругательства, и Элене, обещавшей сделать все возможное, позволили уйти.

Она вернулась в кафе, заказала кофе, позвонила Оливье и попросила приехать за ней. Когда тот появился, слегка растрепанный и улыбающийся, Элена лишь мельком взглянула на него и похлопала себя пальцем по шее:

– Твоя тетюшка, она что-то оставила у тебя на шее. Похоже на губную помаду.

Раздраженная, уставшая, мечтающая о душе после обратной поездки до Марселя, Элена открыла дверь гостевых апартаментов дворца Фаро – и в тот же миг все ее дневные огорчения улетучились. В ее постели лежал мужчина. Голова его была накрыта подушкой, длинная рука свешивалась с края кровати. Подойдя ближе, она подняла подушку, увидела загорелое небритое лицо Сэма и поцеловала его в нос. Один глаз открылся. Улыбнувшись, Сэм похлопал по постели рядом с собой:

– Не хочешь присоединиться?

4

– Сэм, не могу поверить, что забыла тебе рас сказать! – Чуть покрасневшись и уже опаздывая, они собирались спуститься, чтобы присоединиться за ужином к Ребулю, когда Елена остановилась на верхней площадке лестницы. – Дом! Хозяева наконец согласились его продать, и это благодаря Франсису.

Сэм подхватил ее, закружил и поцеловал, прежде чем опустить на пол.

– Это чудесно. И как же ему удалось?

– Кажется, он подпоил *notaire* и сказал ему, что мы уже рассматриваем другие варианты. На днях владелица приезжает из Парижа, чтобы подписать все бумаги. Разве не здорово?

– Еще как здорово. И знаешь что? Ты теперь станешь *châtelaine*⁹.

– А мне понравится?

– Конечно понравится. Это означает, что ты будешь хозяйкой дома. Я напечатаю это на футболках.

Ребуль дожидался их на террасе, держа наготове штопор и ведерко со льдом. Он поднял голову и улыбнулся, увидев их сияющие лица.

– Я так понимаю, ты сообщила Сэму хорошие новости. – Он подошел и расцеловал Сэма в обе щеки. – Значит, станете моими соседями. Поздравляю, мне кажется, вы оба будете очень счастливы в этом доме.

Элена с Сэмом провозгласили тост за Ребуля, потом все они провозглашали тосты за дом, за жизнь в Провансе и за радости дружбы, пока Ребуль не предложил финальный тост за последнюю в сезоне спаржу, которая была назначена основным блюдом легкого ужина.

– А к спарже, – сказал Ребуль, – мы получим одно из фирменных блюд Альфонса – *sauce mousseline*¹⁰, непревзойденный ко роль всего майонезного семейства. Если вы хорошо попросите, Альфонс, возможно, поделится с вами рецептом.

Альфонс был шеф-поваром во дворце Фа ро много лет, и за все это время Ребуль, по его собственным словам, ни разу не видел его без фартука. Круглый и жизнерадостный, Альфонс питал страсть к приготовлению сезонной еды. Ничего удивительного, что он с энтузиазмом поддерживал движение за развитие сельского хозяйства во Франции, надеясь, что однажды появится закон, который обяжет все рестораны ставить в меню не только продукты глубокой заморозки, требующие всего лишь подогрева перед подачей. «Вот тогда-то, – любил повторять он, – станет ясно, кто тут шеф, а кто истопник-любитель».

Пока они рассаживались за столом, Альфонс буквально нависал над ними – если при такой фигуре можно нависать.

– Альфонс, – сказал Ребуль, – что же это такое? Ты говорил, будет только спаржа, а стол накрыт для настоящего пиршества.

– Но, месье Ребуль, не спаржей единой жив человек. – Альфонс сиял, похлопывая себя по животу. – Поэтому после спаржи будет рыба, *daurade*, выловленная сегодня утром, с зеленым горошком и вашим любимым молодым картофелем, ну и, конечно, сыр. А на десерт я приготовил *panna cotta*...¹¹ – последовала короткая пауза, и Альфонс поцеловал кончики пальцев, – покрытую сверху жидкой карамелью и слегка подсолненную, *bien sûr*¹².

⁹ Владелица замка, поместья (*фр.*).

¹⁰ Соус муслин – соус со взбитыми сливками (*фр.*).

¹¹ Панна-котта – итальянский десерт на основе сливок (*ит.*).

¹² Конечно (*фр.*).

Альфонс хлопнул в ладоши, и его молодой помощник Морис вышел, неся спаржу и *saucе mousseline*, который многообещающе подрагивал в глубокой белой миске. Он был такой густой, что серебряная сервировочная ложка, которую воткнул в него Альфонс, осталась стоять торчком.

– Видите? – сказал он. – Так проверяется настоящий прованский *mousseline*. – С тцанием хирурга, проводящего тончайшую операцию, он разложил по тарелкам спаржу с соусом, пожелал всем *bon appétit*¹³ и умчался обратно в кухню.

Отдав должное сливочному совершенству соуса, Ребуль нарушил молчание:

– А теперь мне хотелось бы услышать, чем вы занимались. Сэм, как там на Ямайке? Никогда не бывал.

– Прекрасно.

Рассказа Сэма о поездке, прерванного лишь новой порцией спаржи, хватило до появления второго блюда, после чего настала очередь Элены.

– Что ж, – произнесла она, – не хочу портить чудесный вечер, поэтому опушу подробности моего совершенно бесполезного визита к жертвам ограбления в Ницце. Достаточно сказать, что это было невесело. Жена в слезах, а муж прямо ходячий геморрой, и я убила полдня, не найдя ровным счетом ничего. – Она пожала плечами. – Так что, подозреваю, Ноксу придется заплатить.

Ребуль нахмурился:

– Никаких улик? Никаких повреждений? Никаких признаков взлома?

Элена покачала головой:

– Ничего. Мне дали копию полицейского отчета, но моего французского не хватает, чтобы прочесть.

– Может, мне попросить взглянуть Эрве?

Эрве, ставший другом Ребуля после того, как у них обнаружилась общая слабость к хорошим винам и марсельской футбольной команде, был ключевой фигурой в городской полиции.

– Думаешь, он его еще не видел?

Ребуль рассмеялся:

– Моя дорогая Элена! Ты-то должна помнить, что Марсель и Ницца, они как две разные страны, и у каждой своя полиция. Я сильно удивлюсь, если рапорт из Ниццы попадет вдруг на стол Эрве. Позволь мне по казать ему этот полицейский отчет, и посмотрим, что он об этом скажет.

Вечер, как и множество других вечеров, завершился бокалом вина на террасе под бархатным небом с видом на темную, безмятежную гладь Средиземного моря, раскинувшегося внизу.

– Это рай, – сказала Элена.

Ребуль засмеялся:

– Хорошо, что тебе нравится, потому что у вас будет точно такой же вид. И это напомнило мне... что я должен завтра позвонить *notaire* и узнать, можно ли назначить дату подписания договора. По счастью, с его слов получается, что дальше все пройдет без задержек.

– В этом нет ничего необычного?

– Тут все зависит от ситуации. Иногда продавец хочет получить основную часть суммы наличными, чтобы снизить налог. Это, само собой, незаконно, но такое случается. И тогда перед самым подписанием начинаются ритуальные танцы – мы это называем *la valse des*

¹³ Приятного аппетита (*фр.*).

notaires¹⁴. Понятно, что сам notaire, будучи представителем закона, не может участвовать ни в чем подобном, поэтому, когда наступает момент подписания бумаг, у него возникает необходимость позвонить в другую контору. Или отлучиться в уборную. Или появляется другое достаточно важное дело, и он исчезает, пока наличные предъявляют и пересчитывают.

Сэм широко улыбнулся:

– А как он узнает, когда пора возвращаться?

– Ну, за пять минут можно пересчитать довольно много наличности. Если требуется дополнительное время, ему как-нибудь намекают. В любом случае вам об этом не нужно беспокоиться. Владелица сказала, что ее вполне устроит чек. – Ребуль поднялся, зевнул и потянулся. – Завтра утром звоню notaire.

Звонок оказался весьма успешным. Владелица дома, которая колебалась и тянула время несколько месяцев, теперь горела желанием подписать документы как можно быстрее из опасения потерять покупателей.

– Даже не знаю, что ей сказал notaire, – произнес Ребуль, вешая трубку, – но это явно подействовало. Она сегодня же вечером выезжает поездом из Парижа, а подписание назначено на завтра, в половине одиннадцатого утра.

Элена с Сэмом отправились на встречу с управляющим банком Ребуля, которому позвонили с просьбой проконтролировать перевод лос-анджелесских долларов в марсельские евро. Само собой разумеется, пояснил им управляющий, что, когда речь идет о столь значительных суммах, принимаются некоторые меры предосторожности, прежде чем будет выписан сертифицированный чек: необходимо предъявить паспорта, которые будут изучены и ксерокопированы. Расписка в трех экземплярах должна быть подписана и заверена. Ни одно «i» не должно остаться без точки. В конце концов, когда сертифицированный банком чек был сложен и надежно спрятан в сумочку Элены, они смог ли отметить победу бокалом шампанского в одном из баров с видом на Старый порт.

– Теперь я понимаю, каково быть под арестом, – сказала Элена. – Я уже ждала, что они потребуют с нас отпечатки пальцев, и ощущала себя почти преступницей, когда нам вручали чек.

Сэм поднял бокал:

– За домашнее блаженство. Волнуешься?

– Я знаю, что мы полюбим этот дом. Но тогда нам захочется все время там жить.

– Так разве не в этом весь смысл?

– Конечно. Но ведь мне придется бросить работу.

Сэм подался к Элене и взял ее за руку:

– Послушай меня. Последние два года работа вовсе тебя не радует. Пора двигаться дальше. В конце концов, можешь отправить на работу меня. Мы что-нибудь придумаем.

Брови Элены изумленно взлетели.

– Мистер Левитт, вы что, хотите, чтобы я сделалась женщиной на содержании?

Сэм просиял:

– Точно! Еще шампанского?

Последний гвоздь в гроб страховой карьеры Элены был вбит тем же вечером, когда из Лос-Анджелеса позвонил Фрэнк Нокс. Спросив – без особой надежды, – что ей удалось выяснить, Фрэнк умолк на несколько мгновений, прежде чем снова заговорить.

– Мне очень жаль, но нужно, чтобы ты немедленно вернулась подчистить все хвосты. Всего на пару дней.

¹⁴ Вальс нотариусов (*фр.*).

Элена вздыхала, Фрэнк извинялся, но в итоге они договорились: как только документы на дом будут подписаны, Элена поездом доедет до Парижа, чтобы тут же сесть на лос-анджелесский рейс. И во время полета, пообещала она себе, напишет заявление об увольнении.

5

Ребуль захотел составить Сэму и Элене компанию во время подписания документов – в качестве моральной поддержки, как он сказал, и, возможно, переводчика. И вот ровно в половине одиннадцатого утра все трое явились в контору мэтра Арно, располагавшуюся в изрядно обшарпанном доме в шестом arrondissement¹⁵, районе, облюбованном некоторыми представителями марсельской армии notaires. Секретарша проводила их в приемную, темную и тесную, меблированную полудюжиной жестких стульев и дополненную подборкой журналов многолетней давности.

Элена полистала древний номер «Paris Match».

– Как вы думаете, эти ребята сами когда-нибудь дожидаются в своих приемных?

Ребуль улыбнулся:

– Это старинная традиция. Если сложится впечатление, что у них есть деньги на удобную мебель для приемной, клиенты решат, что и гонорары они запрашивают слишком большие. – Он пожал плечами. – Я видел приемные и похуже.

Они услышали предостерегающий кашель. Дверь открылась, и появился сам мэтр Арно, крупный, неряшливого вида мужчина с большими, неухоженными усами и впечатляюще косматыми бровями. Улыбаясь и извиняясь, он пояснил, что его задержал телефонный звонок.

– Все хорошо, – добавил он. – Мадам Кольбер успела отдохнуть после переезда из Парижа и ждет вас.

Он провел их в кабинет. Здесь теснота ощущалась еще сильнее: пространство было отдано на откуп кипам документов и справочников, которые захватили все горизонтальные поверхности. Оазис порядка создавали стулья, аккуратно расставленные полукругом перед рабочим столом Арно. Мадам Кольбер уже устроилась на среднем, самом главном стуле.

Это была маленькая, похожая на птичку, аккуратно одетая и тщательно подкрашенная женщина. Пока ей представляли Элену, Сэма и Ребуля, она улыбалась, наклонив голову, однако руки держала на костяном набалдашнике своей трости. Арно устроился за письменным столом и отделил одну кипу документов от прочих. Кашлянул, прочищая горло.

И потянулись долгие и скучные полтора часа, пока он монотонно зачитывал вслух все пункты контракта, время от времени умолкая и вопросительно глядя на Ребуля, чтобы удостовериться – эта жизненно важная информация услышана и, при должном везении, усвоена. Все это длилось и длилось; Элена с Сэмом время от времени кивали с умным видом, тогда как мадам Кольбер сидела бесстрастная и неподвижная. Наконец Арно закончил, и они смогли подписать контракт – на каждой странице, само собой, – а мадам Кольбер смогла внимательно изучить сертифицированный чек. Связка заржавленных ключей перешла из рук в руки, и Элена с Сэмом стали гордыми владельцами дома в Провансе.

Ребуль заверил их, что есть только один достойный способ отметить это событие – ланч. Ланч на их новообретенной родине на берегу Средиземного моря. И потому он заказал столик «У Марселя» («Chez Marcel»), в ресторане, как сказал Ребуль, имеющем два неоспоримых достоинства: потрясающий вид на Старый порт и талантливого молодого шеф-повара, который, будучи уроженцем Марселя, знает толк в рыбе.

Во время короткой поездки до порта Ребуль постарался объяснить, отчего покупка дома во Франции такое затяжное и утомительное дело.

– Французы становятся очень недоверчивыми, когда дело касается бизнеса и особенно когда совершаются сделки с недвижимостью. И по-моему, их нельзя за это упрекать. У

¹⁵ Округ, городской район (фр.).

каждого старого дома есть своя история, и здесь вполне обычное дело, когда вдруг выясняется, что одна из комнат, или сортир во дворе, или часть сада до сих пор принадлежит какому-нибудь дальнему родственнику, который может доставить неприятности. Понятно, что все это необходимо предусмотреть и решить по закону. Однако не меньшую роль играет и любовь французов к бюрократии. Мы можем сколько угодно всплескивать руками и ругать ее, но в итоге с нею миримся. Мне кажется, она действует на нас успокаивающе. Дело, решившееся просто и быстро, вызывало бы сильные подозрения.

Ребуль вел их по Портовой набережной, пока они не оказались перед ничем не примечательной дверью, темно-зеленой, утопленной в нише, со скрытым в стене переговорным устройством.

– Пришли, – сказал Ребуль. – Как видите, хозяева полагают, что вполне могут обойтись без рекламы – за исключением самой лучшей, что передается изустно. Почти все, кто сюда приходит, – завсегдатаи, это место больше похоже на клуб.

Он нажал на кнопку, пробормотал свое имя, и дверь, открываясь, щелкнула.

Лестничный пролет привел их в узкий, за литый солнцем ресторан. В конце просматривалась кухня, отделенная от обеденного зала стеклянной перегородкой. Оставшиеся стены были посвящены памяти популярного марсельского писателя и кинорежиссера Марселя Паньоля. Гигантские черно-белые фотографии великого человека и знаменитые сцены из его фильмов перемежались афишами: «Манон с источника», «Фанни», «Жан де Флоретт», «Жена булочника» и полдюжины других.

– Дайте-ка угадаю имя шеф-повара, – сказала Елена. – Марсель?

Ребуль заулыбался и покачал головой:

– На самом деле Серж. Однако Паньолю его главное хобби. А вот и его прелестная жена.

Молодая женщина с веером меню, широко улыбаясь, прошла между столиками, чтобы встретить гостей.

– Жюли! – произнес Ребуль.

– Франсис! – отозвалась Жюли.

Объятия, поцелуи и комплименты сменились представлением гостей, после чего Жюли провела их через зал на террасу. Здесь было всего с дюжину столов, и открывался один и тот же захватывающий вид: корабли в Старом порту, сверкающая вода, а на гребне холма вдалеке – колокольня и золоченая статуя Мадонны с Младенцем, вен чающая Нотр-Дам-де-ла-Гард, великолепную базилику, построенную в 1864 году на фундаменте крепости шестнадцатого столетия.

Ребуль уселся и поднял бокал-флюте с шампанским, которое явилось как по волшебству.

– Во всех отличных ресторанах, – начал он, – одна из лучших закусок – предвкушение. Бокал напитка, охлажденного и восхитительно вкусного, меню, полное соблазнов, приятная компания – нет более действенного способа привести свои вкусовые рецепторы в состояние *qui vive*¹⁶. Так что же мы выберем? *Tartare de coquilles Saint-Jacques*?¹⁷ Домашний *foie gras*?¹⁸ Или главную гордость шефа – *bouillabaisse maison*?¹⁹ Думайте, думайте. Не торопитесь, друзья мои, не торопитесь.

Пока Елена, Сэм и Ребуль думали, Коко Дюма довольствовалась клубным сэндвичем, сидя в вагоне скоростного поезда, шедшего в Париж. Она ехала в гости к отцу, Алексу Дюма,

¹⁶ Боевая готовность (фр.).

¹⁷ Тартар с устрицами «Сен-Жак» (фр.).

¹⁸ Фуа-гра, паштет из гусиной печени (фр.).

¹⁹ Буйабес (марсельская уха) по-домашнему (фр.).

который более пятнадцати лет назад помог ей начать свое дело. Алекс Дюма всего в жизни добился сам и гордился этим. Он сколотил немалое состояние на делах, о которых никогда не распространялся и которые требовали поездок из Бельгии в Париж, причем зачастую – через Африку. Алекс души не чаял в своей дочери и, распознав у нее талант архитектора, который проявился уже в первые годы учебы, придумал, как задействовать ее в собственных бизнес-проектах. Результатами он был вполне доволен и намеревался отойти от дел, хотя не раньше, чем убедится, что его драгоценная Коко готова к самостоятельной жизни.

Когда день перетек в вечер, они сидели в гостиной в квартире Дюма-рёге²⁰ на рю де Лилль – безупречно декорированной и обставленной Коко, – обсуждая некоторые любопытные возможности. К тому времени, когда они перешли на другую сторону улицы и направились в «Le Bistrot de Paris», чтобы поужинать, идея уже обрела ясные очертания. Однако некоторые немаловажные детали требовалось еще доработать. И в то же время нельзя было забывать о планах на будущее для Коко. Когда папа уйдет на покой, чем будет заниматься дочка? Она уже начала уставать от клиентов с их вечными придирками и сомнениями, с нежеланием в точности выполнять то, что им сказано. Коко тоже была готова к переменам. Может быть, следовало обзавестись квартиркой в Нью-Йорке и домиком на Багамах, чтобы было где укрыться от ужасной манхэттенской зимы. Начать с нуля. Эта перспектива казалась Коко чрезвычайно притягательной.

Элена с большой неохотой села в самолет, который должен был доставить ее в Париж, и дальше – пересадка на рейс до Лос-Анджелеса. Она смутно ощущала, что ее обманули. Ей хотелось быть с Сэмом и исследовать их новый дом. Она представляла себе ланчи на террасе, похожие на пикники, вечера со стаканчиком-другим *goûte*, чтобы отметить закат. Но нет. Элена раскрыла портфель, чтобы еще раз пролистать отчеты. Здесь же, в боковом кармане, лежало несколько черновиков заявления об увольнении. От одного взгляда на них ей стало лучше.

На следующий день Элену встретил угрюмый Фрэнк Нокс. Как она уже знала, он следовал разумной традиции страховщиков и делил ответственность с другими страховыми компаниями. И все равно теперь его ждали большие убытки, и он хотел убедиться в том, что поездка Элены не выявила ничего, что как-то смягчило бы удар. Несколько часов они обсуждали визит Элены в дом Каstellачи в Ницце, комнату за комнатой. Они еще раз пролистали всю папку, посвященную Каstellачи. Они заново рассмотрели решения, принятые в предыдущих случаях. Но все без толку. Без неопровержимых доказательств, что владелец украденных бриллиантов обокрал себя сам, его требования железобетонно справедливы.

Фрэнк Нокс вздохнул:

– Кажется, это все. Теперь нужно сообщить остальным компаниям, что мы собираемся раскошелиться. – Он вынул из ящика письменного стола бокал и бутылку скотча. – Мне очень жаль, но мы должны изложить им все доводы еще раз.

Мысль о том, что придется иметь дело с толпой полных подозрений страховых агентов, укрепила решимость Элены.

– Мне тоже очень жаль, Фрэнк, но с меня хватит. Как только это закончится, я уволюсь.

Она вынула из портфеля заявление, положила на стол и пододвинула к Ноксу.

Тот взглянул на него, снова вздохнул, осушил свой бокал и покачал головой:

– Не могу тебя винить.

Звонок Элены разбудил Сэма.

²⁰ Дюма-отец (*фр.*).

– У меня есть хорошие новости и плохие новости, – сказала она. – Мне придется задержаться в Лос-Анджелесе еще на пару дней. Но хорошая новость в том, что я увольняюсь.

– Милая, это прекрасно! Как ощущения?

– Ну как сказать... Меня печалит Фрэнк, но в остальном неплохо. – Она помолчала. – Нет, в остальном ощущения бесподобные.

– Я слышу, как ты улыбаешься.

– Послушай, пока ты дожидаясь моего возвращения, почему бы тебе не присмотреться к дому изнутри, чтобы понять, что там нужно сделать? Жду подробного отчета, идет?

– Слушаюсь, мэм.

Сэм решил включить в число помощников Ребуля, глубоко проникшегося всеми радостями ремонта, – он три года вылизывал дворец Фаро, доводя до нынешнего вида. Ребуль волновался не меньше Сэма, и в течение двадцатипятиминутной прогулки до дома дал несколько основных советов, как вести себя с прованским архитектором.

– Прежде всего, – сказал он, – определи четкие размеры бюджета – это всегда не нравится, но совершенно необходимо. Затем установи крайний срок окончания работ, прописанный в контракте. Это не нравится еще больше. И наконец, и это не нравится сильнее всего, включи пункты о штрафах, если работа не будет исполнена вовремя. Ах да, еще берегись *les petits inconnus*.

Сэм засмеялся:

– Я поберегусь, вот только знать бы, что это.

– Непредвиденные мелочи. Это лучшее оправдание для любого архитектора – непредсказуемые проблемы, которые задерживают исполнение работ и увеличивают расходы. Это может оказаться что угодно – от треснутой канализационной трубы до семейства шершней-убийц под крышей. Но – *quelle surprise!*²¹ – откуда нам было знать?

Ребуль продолжал свою литанию советов и предостережений, пока они не поднялись по узкой каменистой подъездной дорожке и не остановились перед домом.

– Друг мой, не принимай все, сказанное мной, слишком всерьез. Это совершенно особенный дом.

И дом, без сомнения, был таковым, однако в данный момент требовалась изрядная доля оптимизма и воображения, чтобы это понять. В доме имелись окна, только они были маленькие и вид из них открывался не лучший. В крошечной кухне места едва хватало, чтобы повесить кастрюлю, гостиная была мрачная. Наверху одна мансардная комната переходила в другую – всего их было пять, – в одинокой ванной стоял сильный запах сырости, а вид самой ванны в известковых пятнах быстро прогонял всякие мысли о гигиенических процедурах.

Зато снаружи все было иначе. Терраса, хотя и нуждавшаяся в ремонте, обхватывала дом с трех сторон, в течение всего дня предлагая выбор между солнцем и тенью. И вид со всех сторон был невероятный. Этот вид, дружно решили Сэм с Ребулем, необходимо впустить в дом – расширив окна, сделав больше и светлее комнаты, сократив их количество.

– Выпотроши его, – сказал Ребуль. – И пусть этот дом будет только для вас двоих.

Возник вопрос, кто будет потрошить дом. Предпочтительно, чтобы кто-нибудь местный, у кого налажены связи с самыми надежными работниками; кто-нибудь со вкусом; кто-нибудь связно говорящий по-английски. Ребуль вспомнил дом Томми ван Бюрена под Каннами и Коко Дюма.

– Она бы идеально подошла для такой работы, – сказал Ребуль. – Но ты же знаешь, Сэм, у меня с ней проблемы. Давай найдем и других архитекторов, посмотрим, что ты скажешь о них.

²¹ Какая неожиданность! (*фр.*)

– А как насчет того, который ремонтировал для тебя Фаро? Он проделал фантастическую работу.

– Это верно. И прислал мне счет на фантастическую сумму. – Ребуль поморщился при этом воспоминании. – Получив гонорар, он даже оставил дела и переехал на Мартинику.

6

Сэм стоял в зале прибытия марсельского аэропорта, дожидаясь Элену, и играл в игру «угадай парижанина». Хотя лето еще не вошло в полную силу, сезон отпусков кое-где уже начался, и беглецов с севера становилось все больше и больше. Чаще всего их можно было узнать по облачению: пессимисты все еще в шарфах и тяжелых куртках, оптимисты в одежде для пляжа. Сэму вдруг пришло в голову, что он впервые встречает кого-то в аэропорту в качестве домовладельца, причем почти местного: он изо всех сил старался выглядеть по-марсельски.

Вместо усталой, замученной перелетом Элены, которую ожидал увидеть Сэм, перед ним предстало свежее, улыбающееся видение, движущееся ему навстречу. По пути к машине Элена объяснила, что Фрэнк Нокс был очень благодарен ей за помощь и купил обратный билет в первый класс.

– У меня была настоящая кровать, – сказала она, – пара бокалов шампанского и десять часов сна. Божественно. А когда я проснулась, стало еще лучше, потому что я вспомнила, что бросила работу. – Ее лицо сияло.

– А ты не будешь скучать по работе?

– Ты что, смеешься? Разве скучают по зубной боли? Да у меня и времени не будет скучать – мне нужно привести в порядок дом.

Дом был главной темой разговора всю дорогу до дворца Фаро. Элена с пристрастием допрашивала Сэма обо всем – окна, полы, канализация, крыша, – и тот в итоге предложил предоставить решение всех этих деликатных вопросов архитектору.

– Есть идеи кому? – спросила Элена.

– Франсис над этим работает. Он расспрашивает друзей, не могут ли они порекомендовать кого-нибудь. Для меня все это совершенно внове. У меня нет опыта общения с архитекторами. А у тебя?

– Один раз был, когда я переезжала в свою квартиру в Лос-Анджелесе. Но из этого ничего не вышло.

– Не вышло?

– Скажем так, у нас с ним оказалась эстетическая несовместимость. Именно так я и сказала, когда его выгоняла.

Они приехали в Фаро, занесли наверх чемодан Элены и спустились, чтобы найти Ребуля. Он оказался на террасе: выпивал в обществе Эрве, и на столе между ними лежал полицейский отчет по делу об ограблении Кастеллачи.

– Ага, вот она, моя любимая страховая агентша. Добро пожаловать обратно.

Ребуль поднялся, представляя Эрве Элену и Сэма.

– Мы изучали отчет, который ты оставила. – Прежде чем снова сесть, он налил всем в бокалы rosé. – Как ни грустно, выглядит он довольно безнадежно. Но пусть лучше Эрве объяснит.

Эрве, обычно жизнерадостный, был непривычно серьезен.

– Мне кажется, что мои коллеги из Ниццы предоставили в высшей степени профессиональный рапорт. Все важные подробности перечислены, и, боюсь, я вынужден согласиться с их выводами, что нет почти ни какой надежды отыскать бриллианты или поймать вора. – Он умолк, чтобы сделать глоток вина. – Подобного рода ограбления, по счастью, случаются очень редко. Я могу припомнить лишь несколько за последние лет пять: одно в Монако, еще одно на мысе Антиб, года полтора назад, и вот теперь это. И тоже ни признаков взлома, ни отпечатков – ничего. – Он покачал головой. – И еще никакого освещения в прессе. Ограбления такого типа лишены яркости или драматизма, в отличие от тех, что происходят в Каннах

с применением огнестрельного оружия и бегством на «харлей-дэвидсонах». А тут даже рассказывать не о чем. Всем наплевать – просто каким-то богачам не повезло, ничего больше.

Сэм нахмурился:

– А полицейские из Ниццы допросили горничных, поваров, шоферов и всех остальных, кто постоянно входит и выходит из дома?

Эрве вздохнул:

– Разумеется. В данном случае вся прислуга была отпущена на выходной, и у всех есть алиби. – Он постучал по лежавшей перед ними папке. – Все подробности тут. Как я уже говорил, в высшей степени профессиональный отчет.

– И что же будет дальше? Неужели все это просто положат в папку и забудут?

– Сэм, если ты считаешь, что сможешь найти что-нибудь, чего не нашла команда на тасканных профессионалов, удачи тебе. Моя личная версия – только не нужно ее нигде повторять – кражу драгоценностей спланировал сам Кастеллачи, чтобы получить страховку. – Он заметил, как Елена вздрогнула. – Прошу прощения, моя дорогая. Однако знаю по опыту, что богачи бывают просто обескураживающе бесчестными. – Он посмотрел на часы и поднялся. – Пора идти. – Взглянув на Сэма, Эрве подмигнул. – Не терпится кого-нибудь арестовать.

На следующее утро Елена вытащила Сэма из постели ни свет ни заря и отправила его, протестующего, в душ. До сих пор у нее не было времени, чтобы обследовать дом изнутри, и она едва могла дожидаться окончания завтрака. День предстоял ответственный. Друзья Ребуля порекомендовали несколько архитекторов, и были назначены встречи – прямо на объекте, и Елена просто сгорала от нетерпения.

По дороге к дому Сэм пересказал ей советы, данные Ребулем:

– Лимитированный бюджет. Твердые сроки сдачи работы. И штрафы. Как тебе?

– А как насчет эстетической совместимости?

– И это тоже.

Когда они оказались на месте, Елена сразу же вошла в дом, оставив Сэма метаться вокруг, выясняя, где и когда находится солнце. Они уже решили устроить террасу для завтраков, которая будет освещаться утренним солнцем, террасу для обедов, которая будет в тени, и вечернюю террасу, где они с бокалом вина будут любоваться закатом. Ребуль предостерег Сэма, что на зонтики полагаться нельзя, потому что, как он объяснил, когда задувает мистраль, зонтик может оказаться где-нибудь на полпути к Корсике. Так что необходимую тень должен давать сам дом и деревья.

Сэм наскоро набрасывал кое-какие заметки на своем планшете, когда Елена выбежала из дома, кинулась к нему и обхватила руками за шею.

– Здесь будет потрясающе. Франсис прав – выпотрошить и сделать заново. Но только объясни мне, как в доме может быть пять спален и одна паршивая маленькая ванная? Это что, старинная французская традиция?

Развить тему гигиенических пристрастий французов Сэму помешало появление первого архитектора, подъехавшего на «порше» с откидным верхом. Судя по списку Сэма, где были указаны фамилии и время встречи, это был Кристиан де Бофор.

Он оказался чрезвычайно элегантным джентльменом с гривой серебристых волос, облаченным в черный льняной костюм. Вместе с ним приехала не менее элегантная молодая женщина с портфелем, которая с трудом одолела участок неровной каменистой почвы между машиной и домом, балансируя на опасно высоких каблуках. После того как все познакомились и восхитились видом, де Бофор настоял, чтобы они с помощницей осмотрели дом самостоятельно и чтобы их не отвлекали. Прошло двадцать минут.

Когда де Бофор вышел, стряхивая пыль с пиджака, почти сразу стало ясно, что увиденное его не впечатлило.

– Конечно, – сказал он, – для этого дома вид – самое главное, сам дом второстепенен. Прежде всего, его необходимо значительно расширить. Например, в данный момент здесь нет спален для прислуги. Само собой, все возможно, однако, – тут он пожал плечами, – сомневаюсь, что я тот человек, который вам нужен. Я работаю в более крупном масштабе. Désolé²².

И с этими словами он надел солнцезащитные очки, и они с помощницей уселись в «порше».

Сэм обрадовался, увидев, что Елена смеется.

– Вот это самообладание, – сказала она, – хотя кое в чем он прав. Где же будет спать наша прислуга?

Де Бофор, не выказавший энтузиазма по поводу их дома, задал тон всем остальным встречам. На протяжении дня приехали и уехали еще три архитектора. Один предложил срезать дом до фундамента и возвести на его месте современный стеклянный куб. Другой захотел добавить мансардный этаж, а на месте первого этажа сделать закрытый бассейн. Третий же почти потерял дар речи от потрясения, когда Сэм заговорил о лимитированном бюджете и штрафных санкциях.

– И как, по-вашему, художник может работать в подобных условиях? – спросил он, удирая.

Под конец дня Елена с Сэмом были вынуждены признать, что не добились никакого успеха.

Сидя с Ребулем за вечерним бокалом, Елена призналась, что разочарована, потому что все кандидаты – и на самом деле подавляющее большинство архитекторов вообще – мужчины.

– Почему среди них так мало женщин? – Она осуждающе взглянула на Сэма, как будто это была его вина, однако не дала ему возможности оправдаться, сев на своего любимого конька. – Женщины знают толк в кухнях, в чем не разбирается большинство мужчин. Женщины понимают, что даже самым близким людям необходимо личное пространство. Женщины гораздо лучше устраивают ваннские комнаты. Женщины не боятся работать в рамках бюджета. Женщины осознают, насколько важны удобные кладовые. Иными словами, женщины намного, намного практичнее. И еще одно, – добавила она, – они не позволяют своему эго отражаться на работе.

Выслушивая все это, Ребуль невольно вспоминал некоторые промахи своего архитектора, допущенные в ходе реставрации дворца Фаро, ошибки, которых не допустила бы женщина: нехватку подходящих мест для хранения вещей и, главное, душевую, похожую на гигантскую морозилку. Он вздохнул, приходя к неизбежному выводу:

– Я помню, как тебе понравился дом Томми ван Бюрена, перестроенный Коко Дюма. Может быть, стоит пригласить ее?

Элена положила руку на плечо Ребулю:

²² Сожалеею (фр.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.